

Шула Хети

*Каким
быть
человеку?*

No Kidding Press

18+

Шейла Хети
Каким быть человеку?

«ВЕБКНИГА»

2012

Хети Ш.

Каким быть человеку? / Ш. Хети — «ВЕБКНИГА», 2012

ISBN 978-5-60-472882-6

«Каким быть человеку?» – вопрос, на который пытается ответить героиня книги, Шила, вместе с ближайшей подругой Марго и их друзьями – современными художниками и интеллектуалами, живущими в наши дни в Торонто. Персонажи книги пытаются найти свое место в жизни, в творчестве и в отношениях с людьми, путешествуют, пробуют разные профессии, попадают в грустные и нелепые ситуации. Внезапный конфликт с лучшей подругой заставляет героиню-писательницу иначе взглянуть на себя и свою жизнь. «Каким быть человеку?» – это ироничное смешение автобиографии и вымысла, написанное дерзким, современным, ярким и образным языком. Шила Хети пишет в поисках смысла, одновременно лишая сам акт письма и язык сакрального значения. Постоянно переключаясь между прозой и драматургическим диалогом, включая в текст фрагменты имейл-переписки, она дезориентирует читателя, ломая ритм повествования всякий раз, когда он становится привычным. Правила игры в романе пересобираются снова и снова с той же серьезностью и лукавством, с которой звучит и сам заглавный вопрос в XXI веке. В книге присутствует нецензурная брань!

ISBN 978-5-60-472882-6

© Хети Ш., 2012

© ВЕБКНИГА, 2012

Содержание

Пролог	6
Акт первый	9
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Акт второй	26
Глава первая	26
Глава вторая	28
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Шейла Хети

Каким быть человеку?

© 2012 by Sheila Heti

© Катя Зорич, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2021

* * *

Посвящается Марго

Пролог

Каким быть человеку?

Годы напролет я задавала этот вопрос каждому, кого встречала. В любой ситуации я наблюдала за поведением людей, чтобы потом поступать так же. Я прислушивалась к ответам, чтобы сделать из них свои, если люди нравились мне. Я замечала, как они одеты, как ведут себя в паре – в каждом было что-то, чему можно позавидовать. Любым человеком можно восхищаться лишь потому, что он является самим собой. Я бы даже сказала, что сложно не восхищаться, когда все делают это так успешно. Но как можно выбрать кого-то одного, когда смотришь на них целиком, в массе? Как можно выбрать и сказать: «Уж лучше я буду ответственной, как Миша, чем безответственной, как Марго?» Мише так идет ответственность, а безответственность – Марго. А откуда мне знать, что больше подойдет мне?

Я восхищалась всеми легендарными личностями нашего времени, от Энди Уорхола до Оскара Уайльда. Казалось, все они были самими собой до кончиков пальцев. Не то чтобы я думала: «У них были великие души»; скорее: «Эти люди стали великими личностями на своем веку». Чарльз Дарвин, Альберт Эйнштейн – они много всего *сделали*, но в первую очередь они много чем *были*.

Я знаю, что «личность» – это просто медийное изобретение. Я знаю, что характер существует только снаружи. Я знаю, что внутри тела – всего лишь температура. Так как же создать душу? Приходит время, когда надо забыть о душе и просто делать свою работу. Продолжать закапываться в вопросы души – значит упускать смысл жизни. Конечно, я могла бы говорить это с большей уверенностью, если бы я что-то про смысл жизни знала. Но слишком беспокоиться по поводу Оскара Уайльда и Энди Уорхола – тщеславно, в конце концов.

Каким быть человеку?

Я часто думаю об этом и не могу удержаться от такого ответа: быть знаменитостью. Но несмотря на всю мою любовь к знаменитостям, я бы никогда не стала жить среди них. Я надеюсь на простую жизнь, в простом месте, где всего и всех по одному экземпляру.

Под *простой жизнью* я имею в виду нескончаемую славу, в которой мне не надо принимать участия. Я не хочу изменений, разве что я стала бы настолько известной, насколько вообще может быть человек, а всё остальное было бы прежним. В душе все бы знали, что я – самый известный ныне живущий человек, – но не слишком бы это обсуждали. За мной не охотились бы папарацци, потому что у всех в сознании хранился бы мой образ, незыблемый, удивительный и притягательный. Никого бы не интересовало мое мнение, потому что его и нет, и никого не интересовали бы подробности моей жизни, потому что подробностей, которыми бы стоило интересоваться, нет. Весь смысл моего стремления к славе – в ее значимости, без каких-либо других составляющих.

Через час ко мне придет Марго, и между нами состоится привычный разговор. Пока мне не исполнилось 25, у меня вообще не было друзей, зато друзья, которыми я обзавелась теперь, – постоянный источник моего интереса. Мы с Марго любопытным образом дополняем друг друга. Она пишет мой портрет, а я записываю, что она говорит. Каждая из нас делает всё, что может, чтобы другая почувствовала себя известной.

В этом смысле мне должно быть достаточно того, что я кажусь известной трем или четырем своим друзьям. И всё же это лишь иллюзия. Они меня любят за то, какая я на самом деле, а я бы предпочла, чтобы меня любили за то, какой я кажусь, но при этом я хотела бы казаться той, кем являюсь на самом деле.

Все мы – частички пыли, одновременно существующие на этой земле. Я смотрю на тех, кто живет сейчас и думаю: «Это – мои современники. Черт возьми, это – мои современники!» Мы живем в эпоху великих мастеров минета. Каждая эпоха знаменательна своей собственной формой искусства. Говорят, девятнадцатый век отличился романами.

Я, как могу, стараюсь подавлять рвотный рефлекс. Я знаю, что парней возбуждает, когда они касаются мягкой стенки горла в самой его глубине. В такие моменты я стараюсь дышать через нос, чтобы меня не вырвало прямо на член. Недавно меня даже слегка стошнило, но я как ни в чем не бывало продолжила сосать. Довольно скоро следов рвоты не осталось, а парень потянул меня наверх, чтобы поцеловать.

Во всем прочем, кроме минетов, – мне надоело играть в идеальную девушку. Реально надоело. И если я его достала, пусть бросает меня нафиг. У меня хоть освободится время, чтобы быть гением.

У женщин есть следующее преимущество: среди нас еще не очень много примеров тех, кого называют гениями. Я вполне могла бы быть гением. Идеального образца гениального женского ума не существует. С мужчинами-то всё вполне ясно. Поэтому они всегда стараются себя нахваливать. Мне смешно, когда они не объясняют, что имеют в виду, надеясь, что их станут вечно изучать в университетах. Я имею в виду тебя, Марк З., и тебя, Кристиан Б. Продолжайте нести свое псевдогениальное фуфло, пока я делаю минеты на небесах.

Мои предки взяли все свои пожитки, то есть ничего, оставили рабский быт и последовали за Моисеем в пустыню на поиски земли обетованной. Сорок лет они блуждали по горячим пескам. Ночью отдыхали где придется, у подножий дюн, нанесенных ветром. Поутру они брали горстку муки из мешков, смачивали ее слюной и вымешивали гладкое тесто, а затем снова, сгорбленные, отправлялись в путь через пески, неся тесто на спине. Тесто впитывало соль их пота и затвердевало на солнце, служа потом обедом. Некоторые плоско его раскатывали, и так появилась маца. А другие скатывали тесто в трубочку и скрепляли концы, и так появились бейглы.

Долгие годы я делала опечатку в слове *душевный* и писала его как *дешевный*. Это моя единственная постоянная опечатка. Как-то раз я познакомилась во Франции с девушкой, и она сказала: «Не расстраивайся! Может, это вовсе не значит, что у тебя дешевая душа! – Я грустно устала в свое пиво. – Скорее, у тебя нет души на продажу».

Мы ели в индийском ресторане. Неподалеку от нас сидел англичанин, и он аж просветлел. Он сказал: «Как приятно услышать здесь английскую речь! Я английского не слышал уже несколько недель». Мы старались не улыбаться, потому что по моему опыту стоит лишь улыбнуться мужчине, как он примется с двойным усердием надоедать и зря тратить ваше время.

Я неделю думала о том, что сказала эта девушка. И решила подступить к задаче, которую так давно откладывала, слишком долго рассчитывая, что проблема сама собой разрешится со временем, без моего участия, глубоко в душе осознавая, что я ее избегаю, пытаюсь залатать себя восхищением, которое испытываю к чертам окружающих – всех, кроме себя самой. Я строго себе сказала: «Хватит задавать вопросы про других. Пришло время залезть в кокон и начать пряхь свою душу». Но по возвращении в город план как-то забылся, и вместо этого я просто каждый вечер проводила с друзьями, совсем как до отъезда в Европу.

Джен, девушке, которая пыталась меня утешить, перевалило за тридцать. Она была знакомой знакомых – американка, живущая в Париже, которая дружелюбно приютила меня у себя на несколько ночей. Джен проводила фокус-группы для больших корпораций, включая Армию Соединенных Штатов, которая обратилась к ней за помощью с рекламой призыва на службу. Джен испытывала некоторые нравственные сомнения по этому поводу, но еще больше она беспокоилась о своем молодом человеке, который вдруг почему-то стал игнорировать ее. Это

оказалось ее основным переживанием, когда я у нее гостила, – ведь оно было наиболее эмоциональным.

Есть люди, которым повезло – они непохожи на Маугли, и именно они сообщают движение нашей планете. Благодаря им продолжает существовать мир, в котором остальным можно вдоволь напереживаться, каким человеком им следует быть. Я всё читала, я знаю, что пишут в таких книгах: «Будь собой, только лучшей версией себя, во всех отношениях!» Вчера Марго рассказала мне историю о себе в младенчестве, которую часто пересказывает ее мама. Марго очень поздно заговорила, и все думали, что она несколько глуповата. У мамы Марго была подруга, которая серьезно поехала на всех этих книгах по самопомощи и всевозможных кассетах о способах самосовершенствования. Однажды она рассказала маме Марго о технике, согласно которой в любой непростой жизненной ситуации надо вскинуть руки и сказать: «Да какая разница!» В тот же вечер, когда родители Марго, ее сестра, немногим старше ее, и сама Марго, сидевшая на высоком детском стульчике, ужинали, ее сестра пролила молоко и стакан разлетелся осколками по всему столу. Мама начала кричать, сестра плакать. Затем с высокого стульчика до них донесся голосок Марго: «Да какая разница!»

Вы меня, конечно, извините, но я счастлива, что она моя лучшая подруга. Если бы ребенком я знала, что где-то в Америке другой ребенок вскидывает руки и первыми своими словами утверждает: «Да какая разница!» – и, более того, что в один прекрасный день этот ребенок станет моей лучшей подругой, я бы выдохнула и расслабилась, а потом беспечно жила бы себе все последующие 23 года.

Акт первый

Глава первая Шолем пишет картину

Мы собрались на воскресный бранч. Я пришла первой, потом подошли Миша и Марго, наконец – Шолем и его парень, Джон.

Парой недель раньше владельцы дайнера перекрасили бежевые стены, со временем покрывшиеся жирным налетом, в несколько слоев пастельного голубого и поверх баллончиками нарисовали яичницу-болтуню, полоски бекона и оладьи с сиропом. Это слегка подпортило атмосферу, но еда здесь была дешевой, места всегда хватало, и для нас всегда находился столик.

Мы с Марго взяли на двоих один завтрак дня и тост с горячим сыром. Джон спросил, будем ли мы нашу картошку фри. Я уже не помню, о чем мы тогда начали говорить и кто в тот день был смешнее всех. Я вообще не помню подробностей беседы, пока речь не зашла об уродстве. Я сказала, что несколько лет назад я взглянула на свое окружение и поняла, что уродливые люди словно растворились. Шолем сказал, что не может получать удовольствия от дружбы с человеком, который не кажется ему привлекательным. Марго ответила, что не может представить себе уродливую личность, а Миша заметил, что некрасивые люди чаще всего сидят дома.

Из гнусных семян этого разговора пророс Конкурс уродливой картины.

Когда Шолем был подростком, он мечтал стать театральным актером, но его родители не хотели, чтобы он шел в театральный институт. Они считали, что это непрактично, и уговорили его вместо этого поступить в художественное училище. Так он и сделал; как-то раз на первом курсе он засиделся за картиной и застал рассвет. Внезапно он испытал сильнейший душевный порыв, и голос внутри него произнес: «Я должен быть художником. Мне необходимо рисовать всю оставшуюся жизнь. Ни на что другое я не соглашусь. Только так может выглядеть мое будущее».

Это стало одновременно озарением и принятием решения, все дороги назад теперь были отрезаны – самый первый и самый значимый обет в жизни Шолема. Так что прошлой весной он защитил дипломную работу и стал магистром изящных искусств.

Кому пришло в голову устроить Конкурс уродливой картины? Я уже не помню, но как только загорелась этой идеей я, за мной последовали и остальные. Вот в чем она заключалась: Марго с Шолемом сразятся за звание автора самой уродливой картины. Мне очень этого хотелось и не терпелось посмотреть на результаты. Втайне я даже завидовала им. В одночасье мне тоже захотелось быть художницей. *Я сама* жаждала нарисовать что-то уродливое, поставить свое творение рядом с их работами и посмотреть, кто же выиграет. На что была бы похожа моя картина? Как бы я подошла к этой задаче? Мне казалось, что заниматься живописью было бы просто и увлекательно. Я так долго и мучительно пыталась превратить пьесу, которую я писала, – как и свою жизнь, и саму себя, – в прекрасный объект. Это было изнурительное занятие, которое занимало всю меня полностью.

Марго сразу согласилась участвовать в конкурсе, а вот Шолем сомневался. Он не видел в этом смысла. Изначальная установка – *сознательно* создать что-то уродливое – очень его отталкивала. *Зачем?* Но я долго его подстегивала и уламывала, и наконец он сдался.

Как только Шолем вернулся домой после бранча, он сразу взялся за дело: как он объяснял мне потом, чтобы больше не думать об этом и избавиться от давящей перспективы нарочно создавать нечто уродливое.

Он пошел напрямик в мастерскую, уже придумав, что будет делать. Он представлял себе, что это станет своего рода творческим упражнением и что он сможет отнестись к нему максимально хладнокровно. Ему просто надо было воспроизвести всё то, что его больше всего бесило в работах своих студентов. Он начал рисунок аккуратно в середине листа бумаги, ведь бумага уродливее холста. Набросал странноватого мультяшного человечка в профиль, с выпученными глазами, и вместо того, чтобы выписать тени и полутона, он четко обвел все контуры, вырисовывая каждую ресничку. Вместо ноздри он нарисовал дырку. На фоне изобразил пушистые белые облака поверх треугольников оранжевых гор. Фон сделал блевотным серо-бурмалиновым, использовав засохший минеральный осадок на дне банки, в которой он мыл кисти. Для цвета кожи он просто смешал красный и белый цвета, а для теней использовал синий. Шолем думал, что рисунок еще можно будет спасти, но тот становился всё гаже и гаже, и в какой-то момент Шолему стало до того не по себе, что он поспешил покончить с ним. Окунув широкую кисть в черную краску, он небрежно вывел внизу картины: «Солнце выйдет завтра». Затем он отошел на шаг назад, взглянул на результат и почувствовал такую волну отвращения, что поспешно вынес рисунок из мастерской и оставил его сушиться на кухонном столе.

Шолем вышел купить чего-нибудь на ужин, но всё время, пока ходил, он чувствовал подступающую тошноту. Когда он вернулся домой и поставил пакеты из магазина на столешницу, взгляд неминуемо упал на рисунок, и Шолем подумал: «Не могу же я смотреть на это каждый раз, как буду заходить на кухню». И он отнес его в подвал, к стиральной машине и сушилке.

С того момента день становился только хуже и хуже. Рисунок вызвал к жизни вереницу депрессивных, темных мыслей, и, когда наступил вечер, Шолем был в отчаянии. Джон вернулся домой, и Шолем стал ходить за ним хвостом по квартире, жалуясь на всё подряд. Даже когда Джон ушел в ванную и закрыл перед Шолемом дверь, тот всё стоял снаружи и ныл, какой же он неудачник, повторяя, что ничего хорошего его больше не ждет, да никогда и не ждало; жизнь прожита зря. «Стараешься изо всех сил, дрессируешь собаку, – кричал он через дверь, – и собака – это твоя рука! Но однажды тебе приходится палкой выбить из собаки всё хорошее, чему она научилась, чтобы она озлобилась. Вот сегодня был такой день!»

Джон хмыкнул.

Шолем поплелся в гостиную и разослал всей нашей группе имейл: «Мне стыдно, я презираю себя из-за нашего проекта. Я закончил свой уродливый рисунок, и у меня такое чувство, словно я сам себя изнасиловал. А как дела с твоей работой, Марго?»

Марго, более талантливая в художественном отношении, ответила: «Я весь день валялась на кровати и читала „Нью-Йорк таймс“».

Пятнадцать лет назад в нашем городе жил художник по имени Илай Лэнгер. Когда ему было двадцать шесть, в одном творческом объединении устроили его первую выставку. Картины были невероятные, мастерски выполненные в насыщенных бурых и красных тонах, полные тревоги и смятения. В их загадочном полумраке – в стариках, девушках, плюшевых стульях, окнах и оголенных коленях – угадывалось какое-то особое настроение. Те несколько лиц, что выглядывали из тьмы, освещенные слабым лунным светом, омрачала печаль. Картины были огромными и словно говорили, что их автор – очень уверенный и независимый человек.

Выставка длилась всего неделю, а потом полицейские прикрыли ее. Люди увидели в картинах детскую порнографию. Холсты отобрали, и суд постановил их уничтожить.

Об этом писали газеты по всей стране, а суд показывали по телевизору еще целый год. Известные художники и интеллектуалы не остались в стороне, многие высказывались публично и писали статьи в защиту творческой свободы автора. В конце концов судья частично оправдал

Илая; картины ему вернули, но с условием, что никто никогда их больше не увидит. Он оставил полотна в дальнем углу чердака в доме своей матери, где они и лежат по сей день, покрытые пылью и плесенью.

Суд истощил и потрепал Илая. Стоя перед холстом с кистью наготове, он ощущал, что вдохновение его оставило. Он уехал из Торонто в Лос-Анджелес, потому что думал, что там почувствует себя свободнее, но художественные образы всё равно больше не возникали в его воображении так легко, как прежде.

Он был совершенно раздавлен этой прежде незнакомой ему неуверенностью в себе и стеснением. Его холсты, когда-то столь огромные, стали совершенно миниатюрными, и рисовал он теперь в основном робкими белесыми мазками, иногда бело-розовыми, иногда накладывая светлый желтый или самый невзрачный голубой. Даже подойдя вплотную, разглядеть что-либо было решительно невозможно. Для тех немногих сольных выставок, которые Илай провел в годы после суда, он писал исключительно абстрактные картины; от фигуративной живописи не осталось и следа.

Несколько раз в год Илай возвращался в Торонто на неделю-другую, ходил на арт-тусовки, обсуждал живописцев и важность живописи, уверенно рассуждал о мазках, цвете и линиях и нюхал кокаин, такой чувствительный и такой грубый. На его предплечьях красовались вытатуированные двенадцатым кеглем буквы – инициалы местных женщин-художниц, которых он когда-то любил, ни одна из которых больше с ним не разговаривала. Мужчины-художники заключали его в объятия, как блудного сына, и по городу всякий раз расходился слух: «Вы уже видели Илая Лэнгера? Илай вернулся!»

В конце прошлой зимы у Марго состоялась первая беседа с Илаем. Они сидели на кованой скамейке во дворе галереи после открытия. Вокруг лежал снег, и они согревались костром, разожженным в железной бочке.

Марго была усерднее всех художников, которых я знала, и при этом скептичнее прочих относилась к воздействию искусства на людей. Хотя лучше всего она чувствовала себя в мастерской, я никогда не слышала, чтобы она говорила о значимости живописи. Конечно, она надеялась, что в искусстве, которым она занималась, есть смысл, но у нее оставались сомнения. Это заставляло ее работать в два раза усерднее, чтобы ее профессиональный выбор значил как можно больше. Она никогда не обсуждала галереи и не разглаговльствовала о том, какая марка краски лучше. Иногда она слегка падала духом и расстраивалась, что не выбрала политическую карьеру – так она бы занималась чем-то осязаемо полезным. Ей казалось, что у нее неплохо получилось бы заниматься политикой, потому что в ней словно жил маленький диктатор или по меньшей мере несокрушимая диктаторская уверенность. Первое, что она чувствовала по утрам, – это стыд за всё, что шло в мире не так и что она не пыталась исправить. Поэтому ей было неловко, когда ее хвалили за выразительность работы кистью или называли ее работы *красивыми* – она утверждала, что не понимает значения этого слова.

Той ночью, сидя у огня, горящего в бочке, они с Илаем несколько часов подряд проговорили о цвете, работе кистью и линиях. Несколько месяцев они переписывались по электронной почте, и на короткое время она переродилась в художника его формата – такого, который уважал живопись саму по себе. Но через пару месяцев ее страсть во всех смыслах развеялась.

«Он всего лишь очередной мужчина, который пытается меня чему-то учить», – подытожила она.

* * *

Мы с Мишей в тот день собирались прогуляться, поэтому я направилась к ним с Марго – они снимали одну квартиру на двоих. Когда я пришла, Миша сидел у себя в кабинете за компьютером, проверяя почту и беспокоясь о жизни.

Мы вместе вышли и зашагали по району в сторону севера. День был по-настоящему жаркий, редкость для того лета. Когда начали опускаться сумерки, я спросила у Миши, не начала ли еще Марго рисовать свою уродливую картину. Вроде нет, сказал он. Мне не терпится посмотреть на результат, объяснила я. Миша ответил:

– Шолему это всё очень полезно. Он так боится всего хиппарского.

– А что, рисовать уродливую картину – по-хиппарски? – спросила я.

– В каком-то смысле, да, – отозвался он. – Это ведь чистый эксперимент, без какой-либо очевидной выгоды. Это уж точно более хиппарский поступок, чем нарисовать картину, которая у тебя наверняка получится.

– А зачем Шолему браться за картину, если он не уверен, что она получится?

– Вот уж не знаю, – ответил Миша. – Но я уверен, что Шолем боится ударить в грязь лицом, сделать что-то неправильно. Ему как будто страшно сделать неверный шаг – хоть в чем-то, хоть в какую-то сторону. Этот постоянный страх сделать неверный шаг все-таки сильно ограничивает. Художнику *полезно* пробовать разное. Художнику *полезно* быть нелепым, смешным. Шолему *нужно* побыть хиппи, потому что он слишком предусмотрительный.

– А что не так с предусмотрительностью?

– Ну, это всё вопрос терминологии, тебе не кажется? Разве на бранче не в этом было дело? Шолем сказал, что для него свобода – иметь техническую возможность изобразить всё, что захочется, вообще любую картину, которая придет ему в голову. Но это же не свобода! Это контроль или власть. А вот Марго, мне кажется, под свободой понимает именно способность пойти на риск, свободу сделать что-то плохо или показаться смешной. Не чувствовать этой разницы – довольно опасно.

Я напряглась и ничего не ответила. Мне хотелось встать на защиту Шолема, но я не знала как.

– Это как с импровизацией, – сказал Миша. – Настоящая импровизация в том, чтобы удивить себя самого, но большинство людей не импровизирует по-настоящему. Им страшно. Вместо этого они просто показывают фокусы один за другим. Они берут что-то, что уже умеют делать, и применяют это в каждой новой ситуации. Но это же мухлеж! А для художника мухлевать – плохо. Это и в жизни-то не очень, а в искусстве совсем уж скверно.

Мы навернули круг в десяток кварталов, и солнце успело зайти, пока мы разговаривали. Дома и деревья стали темно-синими. Миша сказал, что у него назначен телефонный разговор, и мы направились обратно к его дому. Его рабочая рутина была довольно странной, я не до конца ее понимала, так же как и он сам, и иногда это сбивало его с толку и расстраивало. Казалось, что в его работе не было никакой структурности или слаженности. Он занимался только тем, что ему удавалось или приносило удовольствие. Иногда он обучал импровизации актеров-любителей, иногда он саботировал открытие ночных клубов в том португальском районе, где мы все жили, а иногда вел телешоу. У его работы не было названия, всё это не собиралось под одним колпаком. В коротких автобиографических эссе, запрошенных Гарвардом, – их собирали для толстого, обтянутого кожей сборника, который раздавали на пятнадцатой годовщине их университетского выпуска, – его однокурсники не скупались на слова, распространяясь о своей мировой славе и успехе, о своих детях, женах и мужьях. Миша просто написал:

«Неужели никому, кроме меня, не кажется странным, что мы учились в Гарварде, учитывая то, какой жизнью мы живем сейчас? Я живу с девушкой в скромной квартирке над магазином бикини в Торонто».

– Спокойной ночи, – сказала я.

– Спокойной ночи.

Несколько лет назад, будучи помолвленной, я очень боялась свадьбы. Мне было страшно, что всё закончится разводом, как у моих родителей, и я не хотела совершать большую ошибку.

Я пришла к Мише поделиться своей тревогой. Мы выпивали на вечеринке, потом решили пройтись по ночному городу, мягко шагая по воздушному, свежевывавшему снегу.

Пока мы шли, я рассказала Мише о своих страхах. Он какое-то время слушал меня, а потом сказал: «Единственное, что я понял за свою жизнь, – это что всем надо совершать большие ошибки».

Я искренне прислушалась к его совету и вышла замуж. Через три года я развелась.

Глава вторая

Там, где убеждения сталкиваются с грубой правдой жизни

В годы, предшествовавшие свадьбе, первое, что я чувствовала по утрам, – это желание выйти замуж.

Однажды вечером я оказалась в баре на лодке, пришвартованной в бухте. Рядом со мной сидел пожилой моряк. Он неотрывно наблюдал за мной, пока я выпивала. Мы заговорили о детях. У него их никогда не было, и я сказала, что у меня, наверное, тоже не будет, так как я была уверена, что из моего ребенка не выйдет ничего хорошего. Он с удивлением ответил: «Чтобы от вас – и ничего хорошего?»

Меня это тогда так тронуло – я содрогалась от мысли о высшей любви, которая принимает целиком и полностью. Вокруг нас бар наполнился цветом, шумом, плотностью, как будто молекулы воздуха лопались по швам и каждая настаивала на своем совершенстве.

Затем момент прошел. Я вдруг поняла, что этот моряк – просто старик, который уставился на молодую девушку. Он смотрел на нее, но не видел. Он не знал, какая я, что внутри меня. А внутри было что-то неправильное, что-то уродливое, что-то, что мне не хотелось показывать, чему, однако, было вечно суждено отравлять всё, чем я занималась. Мне казалось, что единственный способ исправить этот изъян – полностью отдаться любви и быть ей преданной, обещать всю свою любовь мужчине. Преданность казалась мне прекрасной, как и всё, к чему я стремилась: быть последовательной, мудрой, любящей и настоящей. Я хотела стать идеальной и искренне верила, что свадьба превратит меня в правильного добропорядочного до мозга костей человека, которым я надеялась предстать миру. Возможно, это бы исправило мою ветреность, мою запутанность и мой эгоизм – качества, которые я презирала и которые вечно выдавали недостаток моей внутренней целостности.

Я думала о свадьбе днями напролет. И позже я ухватилась за нее, как калека хватается за трость.

Однажды, за несколько месяцев до нашей свадьбы, мы с моим будущим супругом прогуливались по ухоженному парку и вдруг увидели в отдалении жениха и невесту, вытянутых по струнке перед группой людей. Они держались прямо, как две фигурки на праздничном торте. Гости сидели на раскладных стульях в лучах послеполуденного солнца, и мы подкрались подслушать, прячась за нагромождением камней, стараясь сохранять серьезность, но всё время срываясь на хохот. Я не видела лица жениха, он отвернулся, но невеста стояла лицом ко мне. Они обменивались клятвами, а священник вторил им вкрадчивым голосом. Когда он произнес слова *в богатстве и в бедности*, прекрасная невеста так расчувствовалась, что по ее щеке побежала слезинка. Ей пришлось остановиться и собраться с духом, чтобы закончить свою клятву.

Когда мы отошли, я сказала, что слова клятвы слишком поверхностные, глупые и материалистичные, чтобы из-за них плакать. С другой стороны, мы ничего не знали про финансовую сторону этой истории.

В день нашей свадьбы мы с женихом стояли в нише эркерного окна перед дюжиной гостей – нашими семьями и близкими друзьями, – повторяя брачные клятвы за регистрирующим.

Потом что-то произошло. Когда я произнесла слова *в богатстве и в бедности*, во мне проснулась та самая невеста. На глаза навернулись слезы так же, как у нее. В моем голосе проступили те же эмоции, что и в ее голосе прежде, только я ничего на самом деле не почувствовала. Это была копия, заранее записанная на пленку, оказавшаяся в моем владении. Та невеста вселилась в меня ровно в ту секунду, когда мое присутствие было необходимо больше всего. Как будто меня там вовсе не было – это была не я.

Когда я вспоминала этот момент в последующие месяцы и даже годы, я испытывала отвращение. Ведь этот момент должен был стать одним из самых красивых в моей жизни. Некоторым людям день их свадьбы напоминает о любви, но, учитывая мои воспоминания, я не уверена, что замужество вообще можно назвать *моим*.

До своего мужа я жила только с одним мужчиной, моим бойфрендом из старшей школы. Он был первым, которого я по-настоящему любила. Мы думали, что будем вместе вечно и что если даже расстанемся, то в конце концов всё равно вернемся друг к другу.

Перед тем как съехаться, мы жили в крохотных отдельных комнатках в одном коридоре на втором этаже захудалого общежития. Он сидел за своим столом и писал пьесы, а я сидела за своим и тоже писала пьесы. Однажды вечером, околачиваясь возле моей двери, он подслушал мой разговор с подругой. Я рассказывала, как запала на одного фотографа в Нью-Йорке, и признавалась, что мне бы хотелось встречаться с ним. Фотограф предложил мне пожить с ним в роли его девушки и по совместительству ассистентки. Прежде чем уехать из родного дома в Торонто, он сделал несколько моих фотографий, очень удачных, и я до сих пор иногда думала о нем.

Моего парня это очень ранило; он почувствовал себя преданным и начал ревновать. Той же ночью, пока я спала, он стащил мой ноутбук и до утра печатал на нем, успев вернуть его на стол до моего пробуждения.

Утром я обнаружила на экране подробный синопсис пьесы о моей будущей жизни, о каждом ее десятилетии. Машинально просматривая этот текст, пока в окне за спиной вставало солнце, я чувствовала нарастающее чувство страха. По моим щекам потекли слезы, а я всё продолжала поглощать картину жизни, которую он набросал ночью: красочную, едкую и наполненную всеми жуткими событиями, которые, как он думал умом и сердцем, были бы для меня самыми обидными.

В этой истории желание встречаться с фотографом из Нью-Йорка привело меня на шаткую дорожку, где мне было суждено слоняться от одного бессмысленного проекта к другому с осадком вечной неудовлетворенности, всё дальше и дальше отдаляясь от добра, соблазняя мужчин и бросая их. В это время автор пьесы обрастал славой, влиянием и любящей семьей, а я стремительно приближалась к увяданию, к отвратительному, извращенному концу, а мои вечные поиски не увенчались ничем, кроме одиночества и зияющего отсутствия любви. Финальная сцена изображала меня стоящей на коленях возле какой-то мусорки – потасканная беззубая шлюха, с воняющей, как скисшее молоко, пиздой, – я из последних сил делаю минет нацику, выжимая из этого мира последнюю крохотную каплю любви. Я спрашиваю нациста, ощущая угасание последней искры надежды в сердце: «Ты меня любишь?» – на что он отвечает: «Конечно, крошка», а затем поворачивается, одним движением руки грубо пихает мое лицо в свою волосатую задницу и срет. Занавес.

Я очень старалась забыть об этой пьесе, но никак не могла. Чем больше я изгоняла ее из памяти, тем сильнее она отпечатывалась у меня в душе. Она поселилась во мне, как зерно, которое уже словно проросло корнями в мою жизнь. Убедительность каждой строчки пьесы преследовала меня; я была уверена, что автор видит меня насквозь, ведь это был первый мужчина, который полюбил меня. Я твердо решила действовать так, чтобы начисто стереть развитие пьесы из головы, чтобы закопать подальше от сердца то разлагающее зерно, которое он во мне обнаружил – или посадил сам.

Какую же власть имеют девушки над парнями, чтобы заставить тех писать такие вещи! И какую власть эти парни имеют над девушками, если им удастся внушить девушкам, что они видят их настоящую судьбу. Мы не отдаем себе отчета в том воздействии, которое оказываем друг на друга, но оно существует – и еще как.

В течение моего замужества почти каждую среду по вечерам наша квартира заполнялась дымом сигарет всех наших друзей.

Друзья выпивали в наших комнатах и целовались на пожарной лестнице. Поначалу казалось, будто в наших стенах происходит что-то невероятно важное. Дом ломился от людей и от яств: сыра, и винограда, и хлеба, и вина, и алкоголя на любой вкус.

Но через два года таких вечеринок я стала наблюдать за происходящим из угла и задаваться вопросом: «Зачем мы вообще устраиваем эти вечеринки?» Зачем мы так собираемся? Мы пытались доказать, что у нас есть всё, что надо, потому что мы постоянно устраивали тусовки, но мне начинало казаться, что, кроме них, у нас ничего и не было. Если бы кто-то из будущего мог посмотреть на то, что мы тогда выстраивали, я уверена, они бы сказали: «Это могли построить только рабы».

Сквозь двери к нам приходили друзья. Мы выкладывали еду и напитки. Я начала ложиться в час ночи, потом в полночь, потом в одиннадцать, а потом и в десять вечера. Когда все наконец расходились в два, три или четыре часа ночи, я вставала и шла вниз, убирала посуду, закрывала бутылки. Я поправляла подушки, расставляла стулья, подметала ошметки сыра и хлеба, выкидывала окурки и пластиковые стаканчики. Тогда это стало моей любимой частью вечеринки.

В детстве я очень боялась, что однажды вырасту и разведусь. По мере взросления эта боязнь усиливалась, и, когда я вышла замуж, страх поднял якорь и бросил мне его в самое сердце. Иногда страх ощущается как предчувствие, и со мной случилось ровно так; ни перед свадьбой, ни сразу после нее я ни разу не смогла представить себе счастливые годы, через которые мы пройдем рука об руку. Вместо этого я ощущала леденящий ужас, беспомощность перед неминуемым концом нашего союза.

Я ощущала себя одновременно Железным Дровосеком, Трусливым Львом и Страшилой: я не чувствовала в себе ни сердца, ни отваги и не могла должным образом использовать мозги.

Однажды на очередной из наших вечеринок я пошла в туалет с урчащим животом. Я села на толчок в ожидании гигантской какахи, которая по ощущениям вот-вот должна была из меня исторгнуться, пока наши друзья и какие-то незнакомцы с бокалами в руках сидели в гостинной или стояли возле двери туалета, беседуя и выпивая. Сидя на унитазе, я вспомнила свой последний сон. В нем я принимала какие-то таблетки, от которых мне всё время хотелось срать. Во сне я решила, что отныне буду писать только о том, что приходит мне в голову, пока я сижу на толчке – раз уж теперь я всё равно всё время проводила только так. Но, сидя в своем туалете на вечеринке, я не могла посрать. Мне было дико некомфортно от мысли, что стоит мне только распахнуть дверь туалета, как я раскрою всем свою дерьмовость. Я встала, застегнула джинсы, заглянула в пустой унитаз и пошла подлить себе алкоголя.

Налив джин с тоником, я заметила, что мой муж стоит вплотную к кому-то, кого я раньше никогда не видела, и ведет беседу. Она сидела перед ним на подоконнике и что-то громко говорила. Волосы у нее были обесцвеченные с темными, отросшими корнями. Глубокий, низкий голос. Большие глаза мультяшного персонажа и искренняя внутренняя беззаботность. Одетая она была странно: тяжелые ботинки, высокие белые носки поверх черных леггинсов, розовая вельветовая куртка с пушистыми белыми облачками. Она выглядела одновременно как маленькая девочка, как сексуальная женщина и как парень.

Мы с мужем никогда не договаривались о том, с кем можно говорить или флиртовать, – ведь добрая половина вечеринок и состояла из разговоров и безобидного флирта, – но в том, что я тогда увидела, было что-то угрожающее. Мне не нравилась его увлеченность, не нравилось, как стремительно он напивался, каким казался живым и счастливым. Это было непохоже

на его обычное общение с другими девушками. Я почувствовала, как во мне закипает ревность, отмечая легкость и уверенность девушки, ее однозначную свободу. Мимолетная, как разряд молнии, мысль пронеслась в голове: «Что есть у нее, чего нет у меня?» От этого вопроса мне стало так стыдно, что я отвернулась и пошла покурить в одиночестве на пожарной лестнице.

Я выкурила свою сигарету наполовину, сидя на железных ступеньках в прохладном вечернем воздухе, когда из окна на лестницу выбралась та самая девушка и посмотрела на меня.

«Можно стрельнуть? – спросила она. – Я потеряла свою пачку на улице».

Я протянула ей пачку, слегка напрягшись. Она сказала, что ее зовут Марго, а я – что меня зовут Шила; потом я дала ей прикурить и, внутренне содрогаясь, присела обратно. Она вышла из-за *меня*? От одной мысли я почувствовала воодушевление. Но я ничего не сказала. Вместо этого мы тихо курили вдвоем; она выдыхала дым, а ветви деревьев касались друг друга на ветру.

Позже, проигрывая в голове тот вечер, я могла вспомнить только физическое расстояние между нами. Вскоре мы начали сталкиваться друг с другом по всему городу. Мы просто здоровались, ничего больше. Потом мы стали переписываться по имейлу, договариваться о чем-то, затем отменять эти планы. Почему-то это не казалось странным. Она радовалась, если я не могла встретиться: у нее было больше времени на работу в художественной мастерской. А если на попятную шла она, то я с облегчением садилась дописывать свою пьесу. Наконец мы договорились о встрече, которую никто из нас вовремя не отменил. Мы решили съездить в галерею искусства к северу от города.

Мы встретились у самой северной станции метро и пошли ждать автобус на остановке. Только когда мы сели в автобус, мы узнали от водителя, что нам предстоит ехать сорок пять минут – а этого мы никак не ожидали.

Всю дорогу туда, а потом обратно мы сидели рядом молча, слишком напуганные друг другом, чтобы заговорить.

Глава третья Шила и Марго

Месяц спустя я получила от Марго приглашение на вечеринку по случаю ее дня рождения. Я даже думала пойти, но в конце концов так и не собралась. У меня были более срочные дела – например, дописать свою пьесу и довести ее до совершенства. Кроме того, я решила, что у нее на вечеринке будет полно интересных людей, производящих впечатление и лучше с ней знакомых, мне она только помашет рукой и подмигнет из другого угла комнаты.

Мой муж пошел к ней один, а когда вернулся, я крепко спала.

Неделю спустя Шила получает имейл от Марго...

1. я всегда восхищалась людьми, которые не чувствуют себя обязанными социализироваться. на самом деле я стремлюсь к этому. я хожу на слишком много дней рождений. ну а ты на мой не пришла, как я и думала.

2. в какой-то момент на моей вечеринке твой муж, видимо, слегка выпив, ну или просто в приступе сентиментальности и с легкой руки сказал: «черт возьми, вам с Шилой надо загусить».

3. я рассмеялась в ответ, но всерьез эти слова не восприняла.

4. но когда я увидела тебя вчера на улице, я почему-то резко ощутила раздражение и, наверное, сама стала раздражающей. какое-то глупое и нечестное раздражение.

5. я никогда не сердилась, если кто-то не хотел со мной дружить. но я расстроилась, что после стольких поисков не смогла обрести подругу.

6. хотя, может, мои знакомые парни достаточно женственны для меня. а женственными парнями, конечно, намного легче помыкать, чем девочками.

7. в общем, не шибко-то у меня получается общаться с замужними женщинами, а? но я обещаю отпустить вожжи.

8. ответа не требую, душа моя, особенно если я тебя как-то обидела или огорчила.

Меня этот имейл совершенно озадачил – я думала, она даже и не заметит моего отсутствия у нее на вечеринке! Я вышла на прогулку, чтобы определиться со своими ощущениями и придумать, как ответить. Гуляя по своему району, я застегивала и расстегивала куртку – мне было то жарко, то холодно.

Прогуливаясь в лучах солнца, я поняла, что у меня тоже никогда не было подруги. Наверное, я не доверяла женщинам. Зачем заводить подругу? Я не понимала алхимии крепкой связи между двумя женщинами. У меня не было близкой подруги с тех пор, как Анжела разбила мне сердце и разболтала всем мои секреты, когда мне было десять лет. Ничего не стоило посчитать все те разы, когда девочки, девушки, женщины предавали меня и ранили. Да и если бы я захотела, то могла бы легко составить список всех девочек, которым я причиняла боль. Первой была Лоррейн.

Но с мужчинами было не так. Меня с подросткового возраста влекло только к мужчинам, а их влекло ко мне – в качестве любовников или друзей. *Они добивались меня.* Всё было просто. Именно с мужчинами мне нравилось разговаривать на вечеринках, именно их мнение интересовало меня. Именно с мужчинами мне хотелось сближаться, именно их влияние мне хотелось ощущать. Это было легко. В каком-то смысле я чувствовала уверенность, что они меня не бросят. Достойные мужчины чувствовали ко мне расположение и всегда старались достойно со мной обращаться. Даже если некоторые оказывались невнимательными или забывчивыми,

мужчины редко были жестоки со мной. Пусть на них не всегда можно было положиться, но им можно было доверять на более сокровенном уровне: меня никогда не беспокоило, что мужчина меня разлюбит, уж точно не раньше, чем я разлюблю его, а если это и случится, то тому будет какая-то веская причина. Они всегда смотрели на меня сквозь какую-то призму, которая действовала как защита.

С женщинами, которые были слишком на меня похожи, я никогда не ощущала ничего похожего. С ними столько всего нужно было заслужить – но все эти заслуги не суммировались! С каждой встречей нужно было завоевывать доверие заново. Вот почему женщины всегда так бурно выражают свои эмоции друг другу, резко взвизгивают или вскрикивают при встрече на улице. Женщинам постоянно необходимо получать друг от друга подтверждение, даже спустя годы дружбы: *Между нами пока всё в порядке*. Но в их излишней необузданности, в преувеличенно бурном выражении эмоций считается, что дела между ними вовсе *не* в порядке и никогда не будут. Женщина не может найти покоя или прибежища в сердце другой женщины – уж точно не навсегда. Слишком зыбкая почва, чтобы твердо стоять на ногах. Может быть, у мужчин получалось приземлиться там и найти себе местечко, но у женщины – закрепиться в сердце другой женщины? Это как стоять на чем-то шатком, бесформенном, словно пытаться удержать равновесие и ровную спину на гигантском желе. Зачем мне вообще пытаться устоять на желе?

Но в имейле Марго было что-то, перед чем я не могла устоять. Я восхищалась ее храбростью, ее искренностью и ее умом. Я предполагала в ней некую свободу, которой завидовала, мне хотелось узнать ее получше и стать такой же.

Вернувшись домой, я ответила на ее имейл, извинившись, что не пришла на вечеринку – думала, что смогу закончить свою пьесу в тот вечер. Я добавила, что на днях зайду к ней в мастерскую с бутылкой шампанского, чтобы загладить свою вину.

После этого я легла спать. Мужа дома не было. Наверное, он где-то выпивал.

В первый день курсов машинописи я была настроена очень решительно. Наша преподавательница застыла перед нами, как фигура на шахматной доске. Строгая, ни следа духовности. Я поняла, что у такой каменной глыбы ничему не научусь.

Я выпрямилась и с улыбкой посмотрела на всех, кто сидел со мной в аудитории. Я хотела, чтобы все эти лгуны и лгуны оказались на моей стороне. Хотела, чтобы в конце семестра они повскакивали со своих мест, скандируя мое имя, как будто я их героиня. Мне даже не было важно, что они лжецы. Даже таким людям мне хотелось показаться героиней. Да пусть даже ворам! Я надеялась, что моя улыбка убедит их в моей доброжелательности. Что они увидят в глубине меня дружелюбную идиотку, которая так и не поняла собственных интересов. Зная это, я уверена, они бы отнеслись ко мне как к равной и в один прекрасный день выбрали бы меня своей предводительницей.

Я молилась, что не создам себе врагов, как в футбольной школе. Тогда все мои планы пошли к чертям. Оказалось, что у этих амбалов было больше духовной целостности, чем у меня. Им в предводители не нужна была какая-то увядшая, заблудшая девчонка с непродуманным планом. К концу первого же дня они смеялись надо мной. На следующий день я надела другой свитер, но они всё равно поняли, что это я, и запихнули меня в шкафчик в раздевалке. Я осознала, что перехитрить их мне не удастся. Они не оперировали понятиями «хитрости» или «ума». И даже если бы мне *удалось* их перехитрить, это бы не расшевелило их. Корнем их уверенности было что-то еще, что-то более глубокое, плотное, что служило всему истоком.

Надо было остаться подольше, понять для себя сущность этого истока, – но мое место среди лжецов и слабаков. Я не могу стать предводительницей тех, кто лучше меня. Если уж мне и становиться героиней, то не для амбалов, чья внутренняя целостность бьет ключом из самого ядра Земли. Нет, героиней я могу стать только для абсолютных лжецов, с которыми

просиживаю свои дни здесь, в этой комнате с выбеленными стенами, на втором этаже стенографической школы.

В начале занятия нам всем раздали фотокопии наброска, сделанного второсортным художником, где клавиши были зарисованы в том порядке, в каком они расположены на настоящей пишущей машинке. «Берегите рисунок, – сказали нам. – Это будет вашей пишущей машинкой в ближайшие две недели».

Однажды Шила получает от Марго имейл...

1. я свободна:
2. сегодня днем и вечером,
3. завтра днем и вечером,
4. днем и вечером послезавтра,
5. я просто ото всех прячусь и рисую,
6. натянув спортивный костюм и слушая «Би-би-си».

Они продолжают переписываться. Марго пишет Шиле...

1. в моем доме произошла кража, и ее пытаются повесить на меня.
2. я не могу уехать из этого района! не помню, где в последний раз чувствовала себя настолько по-домашнему!
3. формально они не могут заставить меня уехать, но они живут надо мной, а работают подо мной, и терпение мое уже на исходе.
4. я сначала довольно сильно расстроилась, но теперь даже как-то рада. решила найти себе мастерскую получше, с владельцем, который бы рядом не жил и не висел над душой.
5. я обзваниваю весь район.

1. у Селены в галерее устраивают закрытый показ работ какого-то художника, я ходила на одну из его предыдущих выставок. это очень модное и эксклюзивное мероприятие с кучей режиссеров, кураторов, с бесплатными картинками или чем-то в этом духе.

2. нас с тобой лично не приглашали.
3. по слухам, Селена сокрушалась, что сболтнула мне, будто ей не нравятся женщины-авторы. я кивнула ей.

1. последние два дня я занимаюсь тем, что выкидываю свои старые работы. то стараюсь не жестить, то, наоборот, мечу направо и налево. но сейчас я поняла, что справедливо будет рассказать тебе, кто я такая, – поэтому я прикрепляю в имейле фото моей самой первой картины (мне было тогда 17 – хотелось бы, конечно, сказать 14, но дата проставлена на полотне, как и моя вычурная подпись). хоть я и собираюсь ее выкинуть.

2. и я нашла свои сигареты на улице!
3. мои картины довольно классно выглядят, когда я надеваю твои специальные очки. спасибо.

1. мы с Мишей гуляли сегодня днем. заметили одну из этих табличек «заходите к нам на открытый показ дома». мы прошли через маленькую калитку в заборе, в крошечный садик с таким же миниатюрным домиком-крохотулей. он накренился влево примерно на пять градусов. окна открывались, как двери, а в спальне места как в машине.

2. я подумала, может, ты его купишь? «он стоит 240 тысяч, никакого первоначального взноса, – сказала кроткая женщина, – и ему 100 лет».

3. вот бы можно было покупать друзьям дома так же, как торт для чаепития.

4. если тебе интересно узнать, как бы ты выглядела, если бы была дома, – по моему мнению – тебе надо на него посмотреть.

1. я не ожидала, что буду так по тебе скучать, как будто я настоящий подросток.

1. привет. у тебя, случайно, нет красных фар для велосипеда? если есть, можно я позаимствую завтра вечером?

1. я сто раз нарисую твой портрет и никому никогда не скажу об этом напрямую.

1. да, я бы с радостью увиделась с тобой. у меня времени – хоть отбавляй.

Когда я была маленькой, я часто лежала в кровати, смотрела на потолок своей комнаты, где уже погасили свет, и тихо напевала песню, которой нас в первый день учебного года научили в еврейской школе. Мы пели ее каждое утро.

Любовь – это клад, если ее подарить,
Если ее подарить, если ее подарить,
Любовь – это клад, если ее подарить,
Взамен ты получишь больше стократ!

Любовь – как волшебная монета!
Спрячь подальше – и ее больше нету!
Одолжи ее, потрать, и по всему паркету
Польется из таких монет река!

Мне эта логика казалась совершенно невозможной, она просто сводила меня с ума! Если подаришь ее, получишь *больше*? Это было единственное стихотворение, которое я знала, и мое любимое, потому что оно меня озадачивало. Я вновь и вновь бубнила его про себя, как будто оно могло чему-то меня научить. Я представляла себе целые огромные комнаты, где миллионы монет катились по полу, превращаясь в густой, всё затапливающий медный поток.

Пока я лежала у себя в комнате в раздумьях о песенке, Марго воевала с самыми популярными девочками из школы под жгучим техасским солнцем. Она знала, что в день церемонии выпуска из шестого класса ей предстоит подняться по лестнице спортзала и получить медаль, как самому одаренному ребенку школы. Поэтому в то утро, одеваясь, она залезла в шкаф своего папы и позаимствовала оттуда его коричневый костюм и коричневые ботинки, засунула их в спортивную сумку и взяла с собой в школу. Прямо перед тем как ее объявили, она надела костюм и ботинки и прошла по сцене. Ее рукава свисали, штанины собрались в складки и волочились по полу, над ней смеялся весь зал, но ее достоинства это не поколебало.

Я так долго всматривалась в каждого встречного, надеясь разглядеть в нем все те мысли и чувства, которых ждала от жизни, но ничего не получалось. Некоторые люди говорят, что такие вещи надо искать в самом себе и нельзя рассчитывать, что кто-то подаст тебе даже малейшую крупицу, которой не хватает твоей жизни.

И хотя я знала, что всё может быть именно так, это всё равно не мешало мне продолжать искать эти крупинки в людях. Какая разница, что говорят некоторые? На сердце от их слов – ни горячо, ни холодно.

Глава четвертая

Шила не может закончить пьесу

Марго предложила мне сходить в парк за мороженым.

Я жила в задрипанной квартире в подвале. Я только-только приняла решение оставить свое замужество и вместе с ним удушливое ощущение, что я проживаю чью-то чужую жизнь. Я не могла понять, как до этого дошло. Какое-то время я подумывала переехать из Торонто в Лос-Анджелес, но боялась за свою пропавшую без вести душу. Если бы я уехала из города, в котором мы в последний раз были с ней вместе, она бы не знала, где меня искать, пожелай она вернуться. Что ей делать, если она решит меня разыскать, а меня не будет на месте? Поэтому-то я и решила остаться, но с тех пор, как я съехала от мужа, всё в моей жизни было вверх тормашками и ощущалось странным, неясным. Я не могла различить времена года, не понимала, где нахожусь – то ли двигаюсь сквозь воздух, то ли сквозь воду.

Я услышала стук в окно – звонок на двери не работал, и, выглянув, я увидела ноги Марго. Я была так рада видеть ее! Каждый раз при нашей встрече меня переполняло счастье и казалось, что наша дружба приобретает новый смысл. Я попросила ее подождать и быстро закончила одеваться.

В предыдущий вечер я целовалась с парнем в баре. На его руках я заметила большие бородавки – они покрывали его запястья и ладони, – и я не сопротивлялась, пока он покрывал своей едкой слюной всё мое лицо и шею. Его уродство доставляло мне удовольствие. В этом наше большое женское преимущество – выбор остается за нами. Я всегда была благосклонна к горбунам, и мою готовность можно назвать справедливостью.

Пока мы шли к парку, я спросила у Марго, начала ли она рисовать свою уродливую картину.

«Пока нет», – сказала она.

Фургон с мороженым уже не было, когда мы дошли до парка, поэтому мы просто легли на траву и стали наблюдать за плавным движением ветвей над головами. Мы болтали о том о сем, а потом Марго спросила, как продвигается моя пьеса.

Знала бы я, что она спросит меня об этом, – я бы никогда не пошла с ней в парк.

Последние несколько лет я откладывала то, что должна была делать, – закрыть наглухо дверь своей комнаты, забыв обо всем мире, и выныривать только под ночь в лунное сияние. Весь мой жизненный опыт и все познания отразились бы в этом сиянии, осветив настоящее произведение искусства, пьесу. Я избегала звонков из театра, и мне было стыдно, а расстройство только росло соразмерно потраченному на пьесу времени, ведь удачная работа становилась всё меньшей долей времени, потраченного на нее. Пьесу мне заказала феминистская театральная компания в мой первый год замужества. Я задала тогда только один вопрос: «Это обязательно должна быть феминистская пьеса?»

«Нет, – ответили они, – но она должна быть о женщинах».

Но я ничего не знала о женщинах! И всё же я надеялась, что смогу написать ее, будучи женщиной сама. Я никогда раньше не писала на заказ, но мне нужны были деньги, и я решила, что с таким же успехом выведу людей из неволи словами из заказной пьесы, как сделала бы это своим собственным замыслом, зародившимся во мне. Так что я взяла этот заказ. Но всё то время, что я была замужем, меня занимали только мужчины – в особенности мой муж. Я не знала, чем между собой делились женщины или какое влияние они оказывали друг на друга. Я отложила сдачу пьесы и продолжала переносить сроки в надежде на то, что театр о ней забудет и перестанет мне звонить – но они не перестали.

Теперь, когда с моим замужеством было покончено и я переехала в собственную квартиру, я была вольна думать о чем угодно. Я пообещала себе вернуться к пьесе с новыми силами, но этого так и не случилось. Никакая работа не могла возместить всё то, что я растеряла с тех пор, как решила выйти замуж, – ощущение легкости, какого-то направления в жизни. А ведь когда-то я чувствовала благотворное воздействие судьбы на всё, что происходило! Большую часть моей жизни одно приводило к другому. Каждый шаг приносил ожидаемые плоды. Каждое совпадение казалось предопределенным. Это ощущалось как искренность, невинность, как будто я плавала в сиропе. Людей самих приносило ко мне. Удача улыбалась на каждом углу. Происходящее вызывало ощущение неизбежности, а каждый шаг казался частью какой-то общей картины мира, которая была разумнее меня, и мне надо было лишь оказаться в надлежащем месте. Я знала, что это было моей самой главной обязанностью, и я исполняла свою роль.

Но как только я вышла замуж, мое отношение к собственной судьбе поменялось. Ее знаки потускнели. Одного их прочтения уже не хватало. Нужно было снова и снова обращаться к ним в попытке уловить лучшее направление к такому результату, которым я могла бы восхищаться.

Я всегда сомневалась в себе, всегда по сто раз передумывала. Я возвращалась по неверно выбранной дороге, а затем отправлялась в другую сторону, надеясь, что теперь-то мой путь – правильный. Судьба стала загадочным родителем, который много требовал и при этом скверно давал указания. А я была его ребенком и постоянно пыталась угодить ему и понять, чего же ему от меня нужно. Я вглядывалась в его лицо в поисках подсказки: как же он хочет, чтобы я вела себя? Сквозь всё происходящее красной нитью тянулся самый главный вопрос, прочно засевший в моем сознании, словно долгосрочная задача, которую никак нельзя было выполнить, пускай надежда на это и не покидала меня. Как правильно общаться с другими? Какой меня видят люди на вечеринках? Какой мне *быть*?

Но вселенная отвечала туманно. Я всё равно искала подсказки; меня это не останавливало ни от поисков, ни от веры в то, что ответ всё же где-то кроется. В каком-то смысле я тратила на это всё свое время, ведь как еще я могла заставить вселенную обратить на меня внимание, полюбить меня? Я бы точно потеряла любой след ее благосклонности и защиты, если бы вела себя неправильно, – как будто вселенная принимала меня с радостью только в одном моем проявлении.

Пока я жила под одной крышей с мужем, мне не удавалось избежать ни одной ошибки. Стены нашего дома были испещрены следами моего бездумного проживания жизни. Я не видела ничего, кроме откровенных пятен – там, где должна была быть белоснежная стена.

С самого начала между мной и мужем установилась эмпатия; мы всегда были ласковы. Мы словно боялись сломать друг друга. Мы не ссорились и не давили, будто мир был достаточно жестким и без того. Что до сложных разговоров, которые могут ранить человека, – мы к такому и не прибегали. Так могло продолжаться и дальше – в нашей жизни и в нашей любви, – но через несколько лет замужества я споткнулась. Споткнулась, оступилась, поднялась и пошла дальше, но оказалась не там, где было нужно; сбилась с пути. Мои дни стали удивительно похожи по запаху и ощущению, точь-в-точь как в месяц моего восемнадцатилетия – жаркий и липкий август. Тогда я только-только выехала из дома, где жила со своим школьным бойфрендом, и проводила дни в отцовском подвале. Целый месяц я словно пребывала в чистилище, подвешенная между жизнью в доме со своим парнем и свободой театрального училища в другом городе.

В тот месяц, пока я ждала начала новой жизни, я впервые испытала чувство напряженного бездействия. Месяц был неподвижный, словно застывший в янтаре, при этом наполнен-

ный нетерпением. Повсюду меня преследовал один запах, похожий на смрад сгнивших, испортившихся конфет. Живот крутило. На коже постоянно проступал пот.

Яркий отголосок этих дней ожившим воспоминанием проявился в моей жизни, вторгся в мое замужество и задержался на целых шесть месяцев. Мне хотелось вырваться из этого жуткого замкнутого круга. Ни один человек не должен проходить через такое – это просто неправильно! Каждый день должен ощущаться по-новому; я же заново оказалась в духе другого времени, которое уже когда-то проживала – и прожила.

Каждое утро я просыпалась рядом с мужем и осматривалась, не исчезло ли это чувство; но оно не исчезало. И я вставала, уже с раннего утра обессиленная им, вся липкая от того же напряженного бездействия, которое ощущала когда-то давно.

В один день ни с того ни с сего давление спало. И это чувство просто исчезло. Я ничего для этого не делала. С облегчением я оглядела себя. Но оказалось, что это было лишь паузой, потому что вскоре во мне начало прорастать другое чувство, и оно было еще хуже, чем первое. Как будто я вот-вот со свистом и треском пронесусь сквозь пространство и время, как будто я камень, который положили в рогатку и отвели на резинке назад, к тому августу, подержав так некоторое время. А затем рука отпустила меня.

Я чувствовала, как внутри меня начала закипать кровь, пульс бил в ушах барабанной дробью, кожа стала натянутой и холодной, как будто я чересчур быстро летела сквозь атмосферу. Тело было готово вот-вот лопнуть от страха, от ожидания чего-то неведомого, и в то же время мной овладело ответное сопротивление. Мне ничего так не хотелось, как не допустить этот ужасающий конец, к которому меня уносило. Я представляла его как страшную боль, и застрявшая в голове на повторе фраза ее предвещала: «Пробей собой кирпичную стену, пробей собой кирпичную стену».

Однажды вечером я поняла, что это за кирпичная стена – мой брак. Мной овладело напряжение, невыносимое желание просто покончить с этим. Стена стояла на месте; пар можно было выпустить только одним способом. Весь день я провела в бездействии, но чувствовала себя, как будто несусь сквозь пространство и время, как тот камень. Я запретила себе с кем бы то ни было видиться и разговаривать, но, когда мой муж вечером лег рядом со мной, я повернулась к нему и сказала – так, будто всё просчитала, словно встала на его место и вынесла продуманное решение: «Я не могу больше быть с тобой».

Он и не подозревал о грозowych тучах, которые собирались во мне всё это время, и, когда он хлопнул дверью, грозowych тучи разверзлись и пошел ливень, и он струился холодным потоком облегчения по всему моему лицу и телу.

На следующее утро я проснулась в нашей кровати одна, почти в полдень. Я повернулась выглянуть в окно. Светило солнце. Я привстала, глубоко вдохнула и поняла: настал новый день. Шесть месяцев подошли к концу. Ощущение свистящего полета исчезло. Этот отрезок времени навсегда остался позади, и я знала, что он уже не вернется ни воспоминанием, ни отголоском. Я ощутила невероятную радость; свободу, которой не чувствовала с тех пор, как была ребенком. Я преисполнилась легкости и сказала себе: «Это – самый счастливый день моей жизни».

Весь оставшийся день я то засыпала, то снова просыпалась, как человек, выброшенный на берег острова, наконец в безопасности, недвижимый, сухой. Биение волн, которое толкнуло меня в руки моего мужа, пронесло меня через брак, а потом оттолкнуло меня, улеглось и затихло; море успокоилось и отошло. Я вышла на песок и осмотрелась. Я была одна, и я была свободна.

Я знала, что с этих пор мне предстоит принимать решения, не выискивая следов на песке и не опираясь на ведущую меня руку. Отныне мне не будет ясно, что к чему может приве-

сти. Мне предстоит обратиться к своей проницательности, не только к интуиции; научиться взвешивать за и против, брать на себя ответственность. Взглянуть на реальность, а не только заглядывать внутрь себя.

Наконец я с головой погрузилась в безразличие вселенной. Словно умерли мои родители. Выбор был за мной. Я поняла, что могла бы попробовать вернуться к мужу, если бы захотела, но это уже не судьбоносная дорожка, а мой собственный выбор. И ничто не требовало от меня этого возвращения, потому что отказ возвращаться тоже мог стать моим выбором. Разница между этими двумя возможностями не была существенной; они были просто разными, вот и всё. Наконец-то я могла выбирать сама. Мне предстояло решить, какой мне быть.

Когда я переехала в одиночку в свою новую квартиру, я месяцами смотрела на пьесу, которую начала писать под воздействием судьбы. В тот период моей жизни я набросала первый ее черновик, и, хотя он не был идеальным, он казался написанным человеком, живущим в каком-то совершенно ином мире. Закончить этот черновик теперь не представлялось возможным. Пьеса могла с одинаковой вероятностью свернуть в любую сторону. Я не понимала, куда пойти и какой след оставить на земле.

Конечно, я не знала, как всё это облечь в слова или рассказать кому-то. Кроме того, я не понимала, почему это нужно рассказывать и какой в этом был смысл, а также кому это можно доверить – точно не Марго и не Мише, никому из тех, кого я знала, – ведь у них не было времени выслушивать такие слова, как *судьба*.

Поэтому я повернулась к Марго и ответила так же, как отвечала любому, кто спрашивал меня про пьесу. «Нормально».

Затем я встала с травы, отряхнулась и сказала, что мне пора в салон красоты.

Акт второй

Глава первая

Ши́ла идет в салон красоты

С тех пор как я ушла от мужа, я работала в салоне красоты.

В одном из последних классов школы я прошла тест на профориентацию, чтобы выяснить, какая работа подходит мне больше всего. В тесте было более трехсот вопросов: вы бы предпочли стричь газон или укачивать ребенка? Ухаживать за лошадей или готовить ужин? Ходить в туалет или срать на пол? Когда я пришла к школьному психологу, она протянула мне несколько листков, скрепленных степлером, на которых было обозначено шестьсот потенциальных рабочих позиций. Напротив каждой позиции была строчка, а на ней располагалась звездочка. Чем ближе к правому краю страницы находилась звездочка, тем больше я подходила для этой работы.

Я не годилась почти ни для какой. Кое-где, например напротив «фотографа», звездочка стояла посередине строки. Но одна звездочка оказалась правее прочих, почти падала за правый край страницы: «парикмахер». Из всех людей на свете я больше всего походила именно на парикмахеров. И поэтому у меня навсегда в подкорке засела мысль об этой профессии, для которой я годилась лучше всего и которая могла бы мне больше всего дать. По сравнению с завершением пьесы работа парикмахера казалась мне такой приятной и простой.

Я сказала об этом своей юнгианской терапевтке, потому что беспокоилась о финансовой ситуации и о том, что пьеса не двигается с мертвой точки. Она посоветовала мне поговорить с парикмахером, который много лет ходил к ней на прием, – немцем по имени Юри. До его салона я могла бы быстро добираться на велосипеде. Терапевтка сказала мне, что он очень образованный человек и весьма внимателен к молодым специалистам. Я записала его телефон, через несколько месяцев потеряла его, затем снова нашла и написала Юри сообщение, в котором объяснила, что издавна мечтала стать парикмахером. Не могли бы мы встретиться, чтобы обсудить возможность взять меня на работу?

Салон Юри находился в элитной торговой галерее, рядом с большим книжным, с модным обувным, с парфюмерным магазином и двумя шикарными ресторанами. Сам салон был очень просторный, отделанный в белых и розовых тонах. В день, когда я пришла, в салоне на своих станциях работало много разных стилистов. Юри вышел из офиса, чтобы встретить меня. Он производил впечатление. Это был высокий мужчина с прямой осанкой и копной седых волос, молодежавший, сильный и очень энергичный; элегантный и харизматичный. Его жена, Руби, с ног до головы одетая в белое, ждала нас в офисе. В ее легкой укладке волос и приятных изгибах тела настоящая зрелая женственность сочеталась с привлекательностью юной девушки.

Мы разговаривали втроем около пятнадцати минут. Юри предупредил меня, что многие люди строят иллюзии по поводу парикмахерского дела, но на самом деле это не игра, а сложная работа, и ее много. Я заверила его, что нет человека, более подходящего для этой должности, чем я, и он, кивая, предложил мне несколько смен. «Вы уверены, что хотите этого?» – спросил он, и я сказала: «Да!», наполняясь смыслом, благодарностью и ответственностью, как настоящая невеста.

Казалось, Миша и Марго были рады за меня. Они видели, как мне нравилось работать в салоне. И я тоже чувствовала себя на своем месте. Каждый день я красиво одевалась и элегантно перемещалась по салону, стремясь каждой порой своего существа выразить ту красоту,

за которой люди приходили к нам. На мой день рождения Миша подарил мне книгу под названием «Гении причесок», в которой описывались самые известные парикмахеры двадцатого века. Один из них, процитированный в книге, сказал: «Я знаю все секреты западного мира, но никогда их не расскажу!»

Секреты западного мира! Я нашла родную душу.

Мои обязанности были разнообразны, но незначительны. Я мыла волосы клиентам и прибиралась – собирала грязные полотенца из корзин у раковин, несла их в стиральную машину, затем в сушилку, потом складывала их в идеальные квадраты и возвращала на полки у корзин. В такую работу я могла поверить: давать людям возможность выглядеть и ощущать себя на все сто. Я подметала состриженные волосы, промывала пластиковые миски, в которых смешивали краску для волос. Я двигалась по салону, как по сцене, плавно и свободно. В моей жизни всё было так просто, когда я находилась в салоне, – я всегда ждала своей смены, и мне никогда не было там скучно. Я знала, чего от меня ожидали, и была рада, что могла соответствовать ожиданиям. Так работал мой инстинкт услужливости, мое желание преобразить и вдохновить человечество. Я знала, что ничего плохого не может случиться в парикмахерской, и ничего необычного действительно не происходило. Там я ощущала себя уютнее и спокойнее, чем где бы то ни было за всю мою жизнь. Дни, проведенные дома в работе над пьесой, были совершенно безрадостными; я жаждала находиться в салоне. И когда я туда попадала, мне больше никуда не хотелось.

Однажды, наблюдая за тем, как я вытираю раковины, Юри подошел ко мне, положил тяжелую руку мне на плечо и сказал: «Я решил научить тебя всему, что знаю». Я с благодарностью склонила голову.

Юри был стилистом с пятнадцати лет. Его мама владела салоном красоты, и во время войны она жила за счет работы парикмахером. Из этого Юри вынес, что парикмахер может работать в любом уголке мира, в любых условиях и всегда сможет прокормить свою семью. Всё, что для этого нужно, – это талант и ножницы в руках.

Однажды он хотел показать мне, как делать одну стрижку. Я стояла и смотрела, как Юри обрезает женщине пушистые каштановые волосы сзади. «Обычно люди предпочитают оставить больше волос, – сказал он, – но если волосы по бокам реже, чем сзади, то ради сбалансированной прически необходимо убрать в объеме волос именно сзади. Сбалансированность маскирует изъяны», – пояснил мне Юри. Я хотела записать себе это на руке. Да, *красота – это равновесие!* Как в прическе, так и в произведении искусства, и в человеке.

Позже тем днем я отошла на рабочий перерыв за приемную стойку, держа руки в широком кармане своего черного резинового фартука. Секретарша на входе рассказала мне о нескольких днях, что она провела с Руби и Юри, когда только переехала в город. Когда я спросила, каков Юри дома, она ответила: «Совершенно такой же, как и здесь. Я не знаю никого, кто был бы так же последователен, как Юри». В тот момент я бы всё отдала, чтобы кто-нибудь сказал про меня: «Она самый последовательный человек из всех, кого я знаю. Даже дома она ведет себя точно так же!»

Я приняла твердое решение внимательно наблюдать за Юри, чтобы понять, как ему это удается, и применить ценный опыт на себя.

Глава вторая

Судьба настигает, несмотря на свои махинации

«Если писателю захотелось пойти в зоопарк, значит, надо идти в зоопарк», – написал как-то Элвин Брукс Уайт. Поэтому однажды после рабочего дня в салоне я решила сделать то, к чему больше всего тогда лежала моя душа: прогуляться по самой длинной улице в мире. Я шла мимо витрин магазинов с вызывающими платьями, мимо второсортных ювелиров, мимо галантерейных лавок, мимо пассажиров, как вдруг мне попался на глаза серебристый кассетный диктофон на витрине магазина электроники.

Я уже давно знала, что некоторые вещи выбирают нас так же, как мы выбираем их. Именно они становятся важными, самыми дорогими сердцу. Остальные напрочь исчезают из нашей жизни. Вам хочется заполучить их, а им вас – нет.

И хотя я строго-настрого пообещала себе не тратить больше семи долларов в день, потому что я почти ничего не зарабатывала, я зашла в магазин. На самом деле я ворвалась в него, как будто всем в городе в тот же момент пришла та же идея, что и мне. Я спросила у пожилого продавца, сколько стоит диктофон, хорошо зная, что я в любом случае его куплю. Я дала старику свою кредитку и подписала бумажку, где говорилось, что я обещаю выплатить сто двадцать девять долларов и тридцать два цента. Затем я пошла в простенькую булочную напротив, с алым навесом у входа, заказала себе миндальный круассан и села на высокий стул у окна во всю стену.

На улице начал капать дождь. Я тихонько шептала в самое сердце диктофона. Я записала свой голос и проиграла его. Под запись я говорила очень нежно и услышала, как эта нежность вернулась ко мне в ответ.

Я почувствовала себя так, словно у меня появился новый любовник – такой, который зарывался бы в мои самые глубокие секреты, разыскивал бы внутри моей души пустоты и обживал бы их специально для меня. Я хотела дотронуться до каждой его части, понять, как он работает. Я стала изучать, от чего он заводится и что его напрочь вырубает.

Глава третья

Шила хочет бросить

Через несколько дней после покупки диктофона Шила сидит с Марго возле окна в небольшом районном дайнере. Они заказывают один завтрак на двоих и два кофе. Полуденное солнце отражается в обесцвеченных волосах Марго. На обеих – грязные кроссовки. На обеих – несвежее нижнее белье.

Шила. Ты не против, если я запишу наш разговор?

Шила достает диктофон, кладет его на стол и включает.

Марго. Что, прости?

Шила. Мне нужна помощь с моей пьесой, и я думала, может, с тобой об этом поговорить – вдруг ты сможешь мне помочь понять, почему у меня ничего не выходит. А потом я смогу переслушать запись, обдумать ее дома и выяснить, что же я делаю не так.

Марго трясет головой.

Марго. Во-первых, я не читала твою пьесу. А во-вторых, у меня нет никаких ответов.

Шила. Ничего, что ты не читала пьесу! Я думаю, проблема с событиями в ней, поэтому я просто перескажу тебе сюжет.

Марго. Почему ты ждешь от меня ответов на свои вопросы? Я не знаю ничего такого, чего не знала бы ты!

Шила. Я не жду, что ты просто возьмешь и выдашь мне все ответы! Зачем ты так говоришь? Я просто надеялась, что если я...

Марго. Ты что, не знаешь? Я больше всего боюсь, что мои слова повиснут в воздухе независимо от моего тела. Ты и твой диктофон – это мой кошмар!

Шила. Но вдруг ответ будет скрываться в чем-то, что я скажу? Кроме того, кто вообще это услышит?

Марго. Я не знаю! Я вообще не знаю, где что может оказаться. Вдруг я что-то ляпну, и кто-то решит, что я на самом деле это сказала и имела в виду? Нет уж, спасибо. Ты и твой диктофон – так я себе представляю свою смерть.

Шила глубоко вздыхает и смотрит в окно. Марго тоже смотрит в окно. Несколько минут они не разговаривают. Шила стряхивает песок со стола на пол.

Сидя рядом с Марго, я старалась отнестись к ее словам с пониманием. Я думала, как тяжело жить в этом мире нагишом. Я знаю, что боги заранее решают, кому из нас суждено прожить жизнь обнаженной. Они обдумывают это, когда собираются вокруг люльки с младенцем и раздают свои проклятия и благословения.

Большая часть людей проживает жизнь в одежде, и даже если бы им очень захотелось, не смогли бы обнажиться. А есть такие, кто не может ничего на себя надеть. Они проживают эту жизнь не как обычные, но образцовые люди. Им суждено оголить себя полностью, чтобы мы, остальные, знали, что значит – быть человеком.

Большая часть людей живет своей собственной, частной жизнью. Им дана естественная скромность, которую они сами ощущают как нравственность, но это не так, это – удача. Они осуждающе качают головами, когда видят обнаженных людей, вместо того, чтобы на их при-

мере понять что-то о человеческой жизни. Но они неправы, что ведут себя так надменно. Некоторым из нас суждено быть голыми, чтобы остальные были освобождены от оков судьбы.

Марго (*вздыхает*). Ну хорошо. Знаешь, я уважаю твое искусство больше, чем свои страхи.

Шила. Спасибо тебе! Спасибо!

Марго. Просто пообещай, что не предашь меня.

Шила (*успокаивающе*). Да я даже не знаю, что это значит.

Шила подает знак официантке – и та подходит к столику.

Не могли бы вы принести нам еще и джем?

Официантка кивает и уходит.

Не многого ли я прошу – и джема, и воды?

Марго (*с подозрением*). Нет.

Шила прокашливается.

Шила. Окей. Вот что происходит в пьесе: есть две семьи, Одди и Синги. И у каждой семьи есть двенадцатилетний ребенок. У Одди – двенадцатилетняя девочка по имени Дженни, а у Сингов – двенадцатилетний мальчик по имени Даниель. Обе семьи на каникулах в Париже, и в первом же акте пьесы они встречаются на параде...

Марго. погоди! Они знали, что встретятся в Париже?

Шила. Нет, это случайность. Короче, они встречаются в Париже случайно, потому что их дети узнают друг друга на параде, и между двумя мамами возникает совершенно необъяснимая вражда. Они с первого взгляда возненавидели друг друга, понимаешь?

Марго. Понимаю.

Шила. И в конце первой сцены Даниель пропадает.

Марго. Ясно.

Марго накалывает на вилку несколько кусков картошки, но они падают. Она ест их руками.

Шила. Следующая сцена – в отеле. Главный конфликт пьесы: пропажа ребенка. Но никто не реагирует на это так, как мы могли бы ожидать. Дженни очень хочет найти Даниеля, но она становится второстепенным персонажем, и на первый план выходит Мисс Одди, мать Дженни, которая по ходу дела как-то резко понимает, что очень разочарована в своей жизни, никак не реализовала себя и всякое такое. В первом черновике пьесы она сбегает на пляж – в Канны.

Марго. погоди, а почему она сбегает?

Шила. Ну, она чувствует, словно задыхается в своей семье.

Марго. Наверное, она не испытывает к ним никаких чувств. Как бы иначе она могла сбежать от них?

Шила. Чего? Да нет, мне кажется, она просто хочет отвлечься. А, и затем у нее начинается интрижка с Человеком в костюме Медведя. В конце пьесы Даниель возвращается домой и выясняется, что он *сам* сбежал. За время отсутствия он успевает каким-то странным образом повзрослеть и теперь произносит загадочный монолог о том, как хорошо быть взрослым. Короче, Мисс Одди в итоге не едет в Канны.

Марго (*разочарованно*). Ах, она не едет?

Шила. Нет. Постановщик, Бен, решил, что лучше сосредоточить всё действие пьесы в одном месте, в отеле...

Марго. А, ну да, это *логично* для театральной постановки.

Шила. Да. Мисс Одди начинает играть на флейте в гостиничном номере. Оказывается, Дженни не знала, что ее мать умеет играть, и теперь *это* очень расстраивает Мисс Одди. Кто-то из отеля приходит спросить, не сыграет ли она за ужином сегодня...

Марго. И?

Шила. И... она отказывается.

Марго (*разочарованно*). А.

Шила. Потому что она понимает, что все эти годы не тренировалась. Ей всегда очень нравилось играть, но она никогда не занималась этим всерьез, и теперь она боится, что играет недостаточно хорошо.

Марго. погоди, откуда взялась флейта?

Шила. Она была у нее в чемодане.

Марго смеется.

Поэтому *теперь* у нас есть Мисс Одди, которая чувствует, что должна изменить свою жизнь, но вместо этого она продолжает попадать в передрыги с разными мужчинами в гостинице, а ведь ей всего-то и хочется, что играть на своей флейте!

Марго. Флейта – это пока мое любимое.

Шила. Но это так глупо!

Марго (*смеется*). Но ведь это автобиографично!

Шила обхватывает голову руками.

Шила. Знаю, *знаю*! Но ведь моя жизнь постоянно меняется. Она меняется!

Марго. Ну, жалко, что она так и не играет на флейте. Знаешь, как в кино: все обсуждают какую-то картину, но мы ее не видим – а ведь нам уже так хочется ее увидеть, – но ее так и не показывают. И всегда кажется, что лучше и не видеть этой картины, потому что так она намного интереснее и круче, чем можно было бы себе представить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.